

© 2020 г.

Е.В. МАСЛОВСКАЯ

ЦИРКУЛЯЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЛЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

МАСЛОВСКАЯ Елена Витальевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (ev_maslovskaya@mail.ru).

Аннотация. Автором раскрывается процесс производства и трансформации экспертного знания в юридическом поле в контексте множественности эпистемических культур. Теоретической рамкой исследования выступает композиция современных подходов социологии науки и концепции юридического поля П. Бурдьё. Эмпирической основой работы являются данные невключенного наблюдения в судах ряда российских регионов и интервью с юристами и судебными экспертами. Автор обосновывает взаимопереплетенность структурно и эпистемически обусловленных разногласий между представителями данных профессиональных групп. В качестве средства преодоления разногласий представлены практики «перевода» как эксплицирования и разъяснения контекста проведенного экспертом исследования и полученных им результатов. Выявлены тактики судебных экспертов, вынужденных учитывать как специфику эпистемической культуры юристов, так и структурные особенности юридического поля.

Ключевые слова: социология науки • социология права • эпистемическая культура • юридическое поле

DOI: 10.31857/S013216250008326-1

В современном обществе наблюдается растущая зависимость от специализированного знания в различных сферах социальной жизни, в том числе в правовой сфере. Так, почти все рассматриваемые в суде дела опираются на результаты экспертных заключений. Циркуляция экспертного заключения – от материалов и следов, обнаруженных на месте преступления и передаваемых для исследования в лабораторию, до решения суда – раскрывает нам, как происходит процесс производства знания в ходе взаимодействия различных эпистемических культур и как это знание передается от одной профессиональной группы к другой.

Комплекс доказательств, достигающий зала суда, представляет собой конгломерат результатов судебной экспертизы и других доказательств, переведенных с языка одной эпистемической культуры на язык другой. Однако вплетение результатов экспертизы в юридический нарратив нередко сопровождается переинтерпретацией юристами первоначального смысла, содержащегося в экспертном заключении. Столкновение позиций, мнений и оценок сопровождают производство и репрезентацию заключений судебных экспертов на разных этапах судопроизводства. Помимо разницы в эпистемической культуре и специализированных языках возникновения напряжения вокруг экспертного заключения связано с несовпадением целей акторов и структурными особенностями их взаимодействия. В связи с этим важным представляется выявление возникающих эпистемических разногласий, а также особенностей управления экспертами и юристами теми неопределенностями, которые сопровождают раскрытие преступления.

Исследования роли экспертного знания в судопроизводстве, как правило, сфокусированы на конкретных технологиях, отдельных аспектах формирования судебных доказательств или пространствах, в которых они создаются: суд, лаборатория, адвокатское сообщество [Caudill, LaRue, 2006; Derksen, 2000; Lynch et al., 2008; Cole, 2013]. Результаты этих исследований позволяют сделать вывод, что данные судебных экспертиз или показаний эксперта не являются самоочевидными: они могут быть приняты судом как обоснованный и заслуживающий доверия вид доказательств, но могут быть и отвергнуты. При этом интерпретация тех или иных видов доказательств зависит не только от особенностей уголовной системы или юрисдикции суда, но и от социокультурного контекста. Именно поэтому важно не только изучать то, как социальные аспекты научной деятельности влияют на производство знания [Korpi, 2005], но и сфокусироваться на процессуальных и гносеологических аспектах оценки заключения эксперта, на несовпадениях в понимании специфики судебных доказательств представителями различных эпистемических культур.

В данной статье мы исследуем, каким образом экспертное знание производится и трансформируется в юридическом поле. В качестве одного из механизмов преодоления возникающих при этом эпистемических разногласий акторами используется перевод как эксплицирование и разъяснение скрытого от юристов контекста проведенного экспертом исследования и полученных им результатов. Необходимо раскрыть, что происходит в процессе перевода, какие факторы учитывают эксперты, вовлекаемые в данный процесс, как осуществляется переинтерпретация юристами первоначального смысла, содержащегося в экспертном заключении, и его новая контекстуализация.

Теоретико-методологические основания и эмпирическая база исследования. Понятие «эпистемической культуры», введенное К. Кнорр-Цетиной, направляет фокус внимания на «стратегии и политики знания, которые не кодифицированы в учебниках, но в действительности наполняют экспертную практику», и на «сложную текстуру знания, как оно продуцируется в глубинах социальных пространств современных институтов» [Knorr-Cetina, 1999: 2]. При этом в каждой эпистемической культуре существуют свои критерии, в соответствии с которыми тот или иной результат рассматривается как знание. Особую роль в раскрытии особенностей эпистемической культуры играет понятие «эпистемических объектов», которые рассматриваются как конструкции, обусловленные структурой самой познавательной практики: «Избирательное конституирование научных объектов... является ставкой в дискурсе, кристаллизующемся в научных операциях» [Knorr-Cetina, 1981: 136]. Подобным образом судебные доказательства конструируются не только в судебно-медицинских лабораториях, но также внутри уголовного правосудия в соответствии с социокультурными нормами и «идеальными» представлениями юристов и судебных экспертов о том, что такое «правильное» знание и как оно должно продуцироваться.

Концепт «юридическая цепочка», введенный Б. Латуром, также может быть применен для выявления специфики процесса производства, аккумуляции и дистрибуции судебных доказательств, в том числе и заключения судебного эксперта. Согласно Латуру, «подлинная сущность права может быть обнаружена в скрытой структуре юридических цепочек, которые являются невидимым проводником юридического обоснования» [Latour, 2010: 142]. С точки зрения данной концепции, «существуют только сети, которые соединяют одни юридические элементы с другими элементами, с другими акторами» [Audren, De Bellaing, 2013: 182]. При этом передача фактов и артефактов из рук в руки сопровождается тем, что участвующие акторы «постоянно привносят что-то свое, изменяя аргумент, усиливая его и инкорпорируя его в новые контексты» [Латур, 2015: 172].

Расширяя данное понятие, шведская исследовательница К. Крузе включает в юридическую цепочку полицию, криминалистическую лабораторию, прокуратуру и суд. Она характеризует экспертное заключение как вид доказательства, которое является «неотделимой частью юридических, социальных и технологических практик» [Kruse, 2016: 3]. Крузе предлагает рассматривать судебные доказательства как результат аккумуляции очень разных эпистемических практик – юридических и неюридических – по созданию знания.

Под эпистемическими разногласиями она понимает несовпадения между модусами знания и понимания специфики судебных доказательств различными профессиональными сообществами, прежде всего юристами и судебными экспертами. В качестве способа, позволяющего преодолеть возникающие эпистемические напряжения, Крузе вслед за Латуром рассматривает *перевод*, подчеркивая, что *перевод* – это всегда интерпретация или цепочка интерпретаций. Особенностью латуровского подхода является внесение манипулятивного или «политического» измерения посредством сфокусированности на том, что эти интерпретации «фактостроители» дают на основе собственных интересов и интересов людей, которых они вовлекают в конструирование факта [Латур, 2015: 178]. В свою очередь, согласно Крузе, *перевод* – это эксплицирование и разъяснение «скрытого» от юристов контекста проведенного экспертом исследования и полученных им результатов [Kruise, 2016: 117].

В отличие от Латура, Крузе выделяет в качестве характеристики юридической цепочки «реверсное движение». На примере конкретных уголовных дел она демонстрирует, как меняется направление работы прокурора в зависимости от новых свидетельских показаний, поскольку они заставляют его вновь обращаться к судебно-медицинскому эксперту и проводить дополнительные исследования. Вместе с тем Крузе игнорирует постоянный характер взаимодействия юристов и судебных экспертов в качестве фактора, влияющего на особенности производства и интерпретации юридически значимых доказательств. В связи с этим вне поля зрения оказываются неформальные отношения между ними. Кроме того, в описании Крузе разногласия и профессиональные конфликты носят исключительно эпистемически обусловленный характер. Тем самым не учитываются такие конституирующие взаимодействие юристов и экспертов характеристики, как асимметричность властных отношений, более слабые ресурсные позиции эксперта, различающиеся интересы акторов внутри юридической цепочки.

Теоретической рамкой, позволяющей контекстуализировать особенности взаимодействия между судебными экспертами и юристами, выступает концепция юридического поля П. Бурдьё [Бурдьё, 2005: 75–128; Dezalay, Madsen, 2012]. Французский социолог не рассматривал в своих работах взаимодействие в рамках юридического поля разных групп профессионалов, являющихся носителями как юридического, так и научного капитала. Тем не менее, поскольку Бурдьё неоднократно описывал процессы взаимодействия между различными полями, подход к анализу взаимоотношений юридического поля и поля науки с позиций его теории может быть реконструирован.

Юридическое поле и поле экспертизы (как разновидность поля науки) представляют собой два социальных универсума, относительно автономных и в то же время влияющих друг на друга. Поле экспертизы, как и любое другое поле, структурировано в соответствии с уровнем автономии вовлеченных в него институтов или агентов, а потому эпистемический разрыв в основе своей является разрывом с социальными ожиданиями, окружающими проведение экспертного заключения. Заказ экспертного исследования следователем, судом или процессуальной стороной заключает эксперта в некоторые рамки, которые можно назвать «ожиданием предзаданных результатов». В зависимости от позиций внутри поля экспертизы судебные эксперты используют (либо не используют) разнообразные тактики, позволяющие преодолеть структурные ограничения их деятельности, отстоять свою профессиональную позицию, сопротивляться давлению и попыткам переложить на них ответственность и решения, выходящие за пределы их компетенции.

В целом характеристики взаимодействия между конкретным следователем, адвокатом или судьей и судебным экспертом выражают структуру отношений между юридическим полем и полем науки, которые можно охарактеризовать как символическое доминирование. В свою очередь, оба эти поля испытывают давление поля политики и экономического поля, о чем свидетельствуют, например, «политически ангажированные» судебные решения и «заказные» экспертные заключения. Концепция Бурдьё выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между

носителями различных видов юридического капитала, обладающими собственными интересами и ресурсами, а также влияние на юридическое поле других полей.

В качестве теоретической рамки нашего исследования выступает композиция современных подходов социологии науки и концепции юридического поля Бурдьё, что позволяет анализировать не только внутреннюю логику циркуляции экспертного знания, но учитывать и внешний контекст его производства и трансформации в юридическом поле. Основой анализа являются данные невключенного наблюдения в судах общей юрисдикции Санкт-Петербурга, Москвы и Ленинградской области, а также интервью с судебными экспертами различной специализации, адвокатами, следователями, прокурорами, федеральными судьями. Всего в 2017–2019 гг. было проведено 32 полуструктурированных интервью.

Социальная биография судебных доказательств. Формирование судебных доказательств начинается с момента, когда на месте преступления появляются сотрудники правоохранительных органов и проводят его осмотр. Криминалисты «извлекают» следы и оценивают их релевантность в качестве будущих доказательств, опираясь на «профессиональное зрение» [Goodwin, 1994]. Фиксация найденного на месте преступления в рапортах и протоколах осмотра может быть соотнесена с понятием «записи» Латура [Latour, Woolgar, 1986; Латур, 2015]. Данные документы, составляемые дознавателями и криминалистами, одновременно сохраняют и упрощают картину места преступления, фокусируясь на том, что они считают релевантным расследованию. Эти документы позволяют представить место преступления понятным для тех, кто находится в зале суда, кабинете следователя или прокурора. Тем не менее такое знание будет всегда ограниченным, поскольку то, что не было включено в протокол, оказывается потерянными. Поэтому от того, насколько точно, аккуратно и профессионально составлен протокол, зависит, насколько адекватным будет понимание произошедшего. Помимо протокола осмотра способ производства и обоснования сведений как знания, характерный для дознавателей, включает в себя личные контакты с потерпевшим и свидетелями, а также знание психологии людей, которое может способствовать конструированию доказательств по данному делу.

Вклад следователя в биографию судебных доказательств включает умение соединить показания потерпевшего и свидетелей, а также результаты экспертиз в единый юридический нарратив. Как правило, следователь отталкивается от картины «типичного» преступления такого рода. Кроме того, обмен информацией и обсуждение уголовных дел как кейсов способствует тому, что они превращаются в общее, но не кодифицированное знание, из которого конкретный следователь черпает «правильные» стратегии поведения и способы получения доказательств. В целом эпистемологические проблемы, с которыми сталкивается следователь, охватывают широкий спектр вопросов – от классификации действий, приведших к преступлению, до определения того, какие доказательства необходимы для обоснования обвинения. Обычно еще до возбуждения уголовного дела следователь назначает стандартный набор экспертиз, поскольку вынужден оценивать перспективность дела в процессуальном смысле, т.е. *«докажу или нет, примет прокурор или нет»* (следователь, Санкт-Петербург). Таким образом, от выводов, сделанных судебным экспертом, зависит, будут ли у следователя бесспорные основания для возбуждения уголовного дела.

Дистанцированность прокурора от места преступления, опосредованность его взаимодействия с вовлеченными в конкретное дело сторонами через материалы дела определяют его внимание не столько к тому, что *«действительно»* произошло на месте преступления, сколько к тому, какие доказательства собраны, насколько убедительно и непротиворечиво следователем сконструирован нарратив. Взвешивая и сопоставляя виды и «кусочки» доказательств, прокурор обращает внимание на то, в какой степени результаты проведенных экспертиз подтверждают версию следствия или они содержат неопределенность, которая может быть оспорена адвокатом и/или судом. Значительное внимание прокурор уделяет не только тому, что будет представлено в суде, но также тому, как это будет сделано. В частности, важны фигуры свидетелей, которых вызовут в судебное заседание. Прокурор во многом полагается на мнение следователя о том,

сможет ли потерпевший или свидетель связно и непротиворечиво представить свой «рассказ» и ответить на вопросы адвокатов или подсудимого. Что касается выступлений судебных экспертов, вопрос заключается в том, насколько необходим вызов в суд эксперта. Сторона обвинения обычно считает, что текста экспертизы вполне достаточно. Судебного эксперта вызовут для разъяснений, прежде всего, если «угроза» адвоката сделать это может быть поддержана судом. Чтобы не потерять контроль над ситуацией и иметь право первым задавать вопросы, определяя ход допроса судебного эксперта, прокурор может согласиться вызвать эксперта в судебное заседание.

Завершается юридическая цепочка и циркуляция доказательств в судебном заседании, где результаты экспертного исследования становятся публичными. Именно там они окончательно трансформируются в доказательство. Эта трансформация достигается посредством юридического нарратива, благодаря которому данные экспертизы способствуют ответу на главный вопрос – достаточны ли доказательства вины подсудимого, представленные стороной обвинения. При этом данные заключения эксперта используются инструментально как дополнительное доказательство, призванное усилить выдвинутые обвинения. Дискурсивные навыки выстраивания юридического нарратива, используемые сторонами, позволяют представлять и процессуализировать потенциально противоречивые свидетельства и данные в юридически релевантные суждения. В свою очередь, предзаданная структура судебного процесса вынуждает сторону защиты принимать во внимание версию обвинения, формируя собственный нарратив и стремясь ослабить аргументы прокурора.

Структурно и эпистемически обусловленные разногласия. Судебно-медицинская и другие виды экспертиз являются частью конкурирующих нарративов, но не столько как факты, сколько как основа соответствующих интерпретаций. Сторона защиты подвергает сомнению интерпретацию стороны обвинения, демонстрируя свою версию значения экспертизы в вопросе об определении вины своего доверителя. Для подкрепления собственной версии адвокат может заказать контрэкспертизу или попытаться добиться приглашения специалиста в суд. Однако приобщение полученного заключения специалиста к материалам дела и/или преодоление нежелания судей принимать во внимание позицию приглашенного специалиста оказывается чрезвычайно сложной профессиональной задачей. Нередко адвокат вынужден применять в том числе и разного рода технические уловки: *«Они (судьи) постоянно отбрасывали заключение специалиста, оставляя только ходатайство (о приглашении специалиста), поэтому в какой-то момент я начал не просто соединять их скрепкой, а сшивать суровой ниткой, чтобы наверняка»* (адвокат, Москва).

Юридический нарратив является не только формой представления доказательств, но и средством их оценивания [Kruse, 2016]. Данные экспертного заключения, как правило, вызывают у юристов больше доверия, чем такие виды доказательств, как показания свидетелей, потерпевших, обвиняемого, которые могут быть искажены самыми разными факторами – от плохой памяти до страха. Источником доказательств, связанных с судебной (прежде всего, судебно-медицинской) экспертизой, являются исследования, проведенные в соответствии с научной методологией и по утвержденным методикам. Однако, хотя результаты экспертного заключения вызывают большее доверие, они не обладают ценностью сами по себе. Результаты любой экспертизы нуждаются в инкорпорации в юридическую картину конкретного дела, поскольку «наука появляется в зале суда не как набор голых фактов или провозглашенная правда о мире, но как доказательство. Другими словами, наука должна быть включена в отдельные виды пропозиций, репрезентаций или материальных объектов, которые право рассматривает как релевантные задаче определения того, какая из сторон рассказывает более правдоподобную историю» [Jasannoff, 2006: 329].

Такое влечение результатов экспертизы в юридическую картину конкретного дела связано с угрозой потери вложенного в него судебным экспертом смысла, с переинтерпретацией результатов и изменением статуса экспертного заключения. Сложность процесса циркуляции экспертного знания внутри системы уголовного правосудия проявляется в

возникающих вокруг экспертных заключений разногласиях как между юристами и судебными экспертами, так и между дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами. Можно выделить несколько видов подобных разногласий.

Прежде всего, напряжение возникает в связи с тем, что нередко следователи, обращаясь к эксперту, утверждают, что они ограничены во времени, не успевают завершить расследование в установленные сроки. В интервью эксперты отмечали, что воспринимают подобные аргументы как форму давления, поскольку *«всегда много текущей работы и когда ссылаются на сроки, говоря ну, это (дело) важнее, другие можно отложить, меня это настораживает»* (судмедэксперт, Москва). Вопрос, которым сопровождали эксперты рассказ о подобных ситуациях, заключался в том, *«что же важнее – чтобы результаты были корректными и надежными, или чтобы они были получены как можно быстрее?»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург).

В подобной ситуации многое зависит от налаженности рабочих отношений следователя с конкретным экспертом или от его способности использовать взаимодействие руководителей следственных отделов и экспертных учреждений для «убеждения» эксперта. Отметим, что устойчивые рабочие отношения между следователями и судебно-медицинскими экспертами складываются на институциональном и индивидуальном уровнях в силу рутинной необходимости. При этом профессиональное взаимодействие нередко дополняется включенностью в общие социальные сети, что способствует формированию неформальных отношений.

Стремление с наименьшими временными и трудовыми затратами завершить расследование предполагает достижение общей позиции по делу. Это отвечает и интересам эксперта: его не будут вызывать на допрос для разъяснений или обращаться в связи с необходимостью провести дополнительную экспертизу. Интервью свидетельствуют о том, что пока результаты не будут соответствовать версии следователя, он будет назначать дополнительную или повторную экспертизу. Именно поэтому эксперт, с которым налажены прочные рабочие и неформальные отношения, демонстрирует «отзывчивость» к запросам и пожеланиям следователя. Вместе с тем следователи в интервью жаловались на чрезмерное затягивание подготовки заключения экспертами, с которыми они не взаимодействовали на постоянной основе: *«Обращаешься, надеясь на экспертизу, но отвечают, что много экспертиз в работе, хотите – ждите, мы сможем через 3–4 месяца... в последний раз ждали заключение из Москвы полгода»* (следователь, Ленинградская область). Обращение к негосударственным экспертным организациям следователи объясняли в том числе длительностью ожидания экспертиз из государственных учреждений.

Информанты также часто упоминали в интервью напряжение по поводу качества предоставляемых экспертам документов и материалов. Эксперты, прежде всего, отмечали проблему, обусловленную нередко незнанием, а иногда и намеренным нежеланием формулировать точные и корректные вопросы в постановлении о назначении экспертизы. Следователи, не учитывая границ компетенции эксперта, некорректно сформулированными вопросами вынуждают его давать юридическую оценку действиям подозреваемого. В случаях, когда со стороны обвиняемого также выступают эксперты, основной целью привлекаемого следствием эксперта становится обеспечение максимальной защищенности, *«чтобы экспертиза устояла в суде»* (эксперт-оценщик, Москва). Для достижения этой цели эксперты вступают в «борьбу» за равноправный диалог со следователями и право действовать в рамках законодательства, не выходя за пределы собственной компетенции. Следователи нередко сопротивляются такому позиционированию экспертов, поскольку *«задача следователя – доказать наличие сговора или ущерба. При такой постановке задачи очень тяжело удержать профессиональную позицию. Поэтому если сразу не выработать политику равноправного диалога со следователем, то мы оказываемся незащищенными в суде»* (эксперт-оценщик, Москва). В результате отстаивания собственной позиции возникает возможность изменения формулировок вопросов, представленных следователем, таким образом, чтобы они звучали корректно в рамках специальных знаний эксперта.

Следующий вид разногласий связан с распределением ответственности между юристами и судебным экспертом. Позиция всех интервьюируемых экспертов состояла в том, они несут ответственность за результаты исследования, их обоснованность и надежность, но не за то, *«как все происходило на месте преступления»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург). Только суд, подчеркивали эксперты, знает все обстоятельства или по крайней мере те, которые следствие выявило, и, таким образом, окончательное решение всегда остается за судом. Однако вопрос о дистрибуции ответственности не является таким же важным и чувствительным для следствия, а иногда и для суда. Во время судебного заседания, когда эксперт приглашался для разъяснений по поводу проведенного им исследования, *«и суд, и прокурор очень хотели бы вынудить меня сказать, что исследование доказывает, что все случилось так, как они описывают... часто они спрашивают о том, как вероятно это могло произойти, грубо говоря, пытаются подвести к выводу о том, что это должно было произойти именно так... но это не мое дело рассуждать об этом»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург). С точки зрения судебного эксперта, в подобных ситуациях суд и сторона обвинения пытаются добиться того, чтобы он вышел за рамки своей компетенции и ответственности.

Описание экспертами судебного процесса – это описание *«процесса не поиска истины, а борьбы на поражение»*, допроса в судебном заседании – *«борьбы за слова»* (судмедэксперт, Москва). Судья, стороны в процессе стремятся «поймать» эксперта на противоречии тому, что написано в заключении. Во многих случаях, по словам информантов, предпринимаются попытки переформулировать или исказить их слова. Адвокаты также не рассматривают дистрибуцию ответственности в качестве базового принципа взаимодействия с судебными экспертами. *«Когда опытный адвокат задает тебе вопрос и ты неожиданно для себя, отвлекшись от того, что написано в заключении, отвечаешь утвердительно, потом вдруг понимаешь, что он тебя спросил о том, чего вовсе не было в заключении... Адвокаты могут исказить то, что у вас написано в заключении своими вопросами. Они утверждают, что прочитали это в заключении, но они просто привносят свои мысли и интерпретации»* (судмедэксперт, Ленинградская область). Если судебный эксперт скрупулезно продумывает свои ответы и опирается только на то, что содержится в заключении, то он действует в соответствии с принципом дистрибуции ответственности между ним и юристами. В свою очередь, судьи, адвокаты и прокуроры посредством задаваемых ими вопросов нередко стремятся вынудить эксперта разделить с ними ответственность за принимаемое решение.

Еще один из выявленных нами видов эпистемического напряжения связан с пониманием причин неопределенности, нередко содержащейся в заключениях судебных экспертов. Неопределенность – одна из центральных проблем, с которой сталкиваются юристы, не имеющие непосредственного знания о том, что произошло на месте преступления. Заключение эксперта является одним из важнейших документов, который, как ожидают юристы, должен способствовать преодолению неопределенности в качестве доказательства. Но экспертное заключение иногда не только не элиминирует, но приумножает неопределенность, поскольку в науке существуют риски гносеологического и организационного характера: не только связанные с выбором надлежащей методологии, но и с тем, что экспертные оценки нечасто отвечают стандартам юридической точности и валидности.

Стандартные процедуры по использованию письменных экспертных заключений, особенно в сложных, неоднозначных случаях, в том числе в результате активной позиции адвоката обвиняемого, могут быть применены только при условии раскрытия смысла, заложенного экспертом. Эксперты используют соответствующую терминологию, опираются на теоретические, методологические и методические особенности своей сферы знаний и практики, которые проблематично подвергнуть критическому юридическому осмыслению без обращения к специалистам в данной области. Таким образом, возникает необходимость в разъяснении судебным экспертом положений и выводов своего заключения.

Практики перевода. Как реципиенты, так и создатели экспертного знания предполагают, что доказательства, содержащиеся в заключении, будут надежными и бесспорными. Судьи и прокуроры ожидают, что заключение эксперта беспрепятственно волеется в эпистемическую культуру юристов, эксперты в свою очередь – что знание, перенесенное в юридический контекст, не лишится первоначального смысла. Осуществление подобных ожиданий возможно посредством деятельности, позволяющей перенести смыслы из одной эпистемической культуры в другую. Используя метафору языка для понимания возможности взаимодействия представителей различных эпистемических культур, практики по разъяснению экспертом положений и выводов заключения можно представить в качестве работы по переводу. В лингвистике разделяют формальную и динамическую эквивалентность в процессе осуществления перевода [Nida, Taber, 2003]. В области судебной медицины, например, таблицы и специальные выкладки, которые содержатся в заключении, соответствуют примечанию, которое делает переводчик в случае формального соответствия. Динамическое соответствие достигается посредством учета контекста передаваемого смысла.

Потребность в переводе в судебном заседании в связи с неясностью выводов проявляется в словах судьи о необходимости пригласить судебного эксперта для дачи показаний: *«Я считаю, что будет лучше, если он придет и выступит на заседании, поскольку сложно понять даже из написанного, что означает выявленная корреляция»* (судья, Ленинградская область). Методы исследования, с которыми судья не сталкивался ранее, также требуют от эксперта выполнения работы по переводу с целью подтвердить, что результаты проведенного анализа надежны и получены в соответствии с принципами научного исследования. В случае, когда выводы показались судье неуверительными или методика исследования осталась для него неясной, необходимыми оказываются разъяснения экспертом не только полученных им результатов, но и методики проведения исследования. Очень значима роль адвоката в инициировании практик по переводу, осуществляемых в отношении экспертного заключения. Именно сторона защиты, как правило, выступает с ходатайством о вызове эксперта в суд, подвергает сомнению выводы или методологию проведенного экспертом исследования, заказывает и представляет контрэкспертизу в виде заключения специалиста.

Работа по переводу осуществляется судебными экспертами не только в формальных контекстах: при вызове в суд или к следователю. Нередко это происходит во время совместных неформальных встреч, а также конференций или семинаров. Одной из распространенных практик неформального взаимодействия экспертов и юристов являются телефонные звонки, в ходе которых, например, следователь обращается к экспертам с просьбой о пояснениях или разъяснениях, в которых он нуждается. Судьи также не ограничиваются только пространством зала заседаний, но нередко приглашают эксперта зайти в кабинет до заседания либо обращаются по телефону. Согласно информантам, то, каким из способов получить необходимые разъяснения воспользуется судья, зависит от юрисдикции суда, а также от сложившихся в данном суде практик взаимодействия с судебными экспертами. В некоторых судах строго соблюдается использование исключительно формальных контактов между судьями и судебными экспертами. В других судах устоявшиеся рабочие и неформальные отношения поддерживаются в течение длительного времени и контакты передаются от одного поколения судей к другому. Например, один из судей отметил, что эксперты ему *«достались в наследство от старших коллег»* (судья, Ленинградская область).

Перевод является неотъемлемой частью ежедневных рутинных практик и при написании самого экспертного заключения. Судебные эксперты подчеркивали свою озабоченность тем, насколько понятным для следователей, прокуроров и судей будет текст заключения. Информанты отмечали, что *«должны писать четко, ясно и так, чтобы это все-таки было понятно юристам»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург). Вместе с тем судебно-медицинские эксперты упоминали ситуации, когда используемый в прошлом метод исследования

приводил к результатам, которые неправильно интерпретировались юристами. В связи с этим было принято решение изменить технику описания результатов исследования, т.е. использовать формулировки, позволяющие избежать неправильного толкования.

Время от времени эксперты вынуждены выполнять работу по переводу еще до начала проведения самого исследования, например в ситуации, когда дознаватель или следователь настаивает на проведении бессмысленного, с точки зрения эксперта, анализа. Судебному эксперту приходится объяснять, почему результаты данного анализа не добавят никакой новой, тем более значимой информации: *«Мне проще позвонить и сказать ему напрямую, почему бессмысленно делать этот анализ»* (судмедэксперт, Москва). В данном случае эксперт описывает работу по переводу как объяснение того, насколько результаты анализа не соответствуют расследованию. Но его действия можно интерпретировать и как стремление освободить себя от дополнительной работы, именно поэтому он принимает решение выйти за рамки собственной компетенции. Конечно, обязательными условиями такого взаимодействия являются квалификация, опыт эксперта, а также длительность профессиональных контактов и налаженные неформальные отношения между следователем и экспертом.

Можно сказать, что судебный эксперт в таких ситуациях следует принципу динамической или функциональной эквивалентности. Как заметил один из информантов: *«Следователь, возможно, думает, что это самый важный анализ. Но я считаю, основываясь на моем опыте, что нет никаких шансов, полученный результат не прольет свет на интересующий его вопрос»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург). Возможна и противоположная ситуация, когда эксперт убеждает следователя в важности проведения каких-то исследований, которые вовсе не представляются таковыми самому следователю, что вновь требует разъяснений и пояснений со стороны эксперта, т.е. проведения работы по переводу. Судебный эксперт вынужден не только делать пояснения по поводу используемой методики и результатов исследования, но и предвидеть возможную реакцию на полученный результат, как бы переводить ее для себя, вырабатывая тактику поведения при взаимодействии со следователем: *«Бывают ситуации, когда следователь требует проведения какого-то исследования, а я понимаю, что, получи я результат, он будет скорее всего неправильно использован. И это еще одна причина, чтобы его не делать, т.к. сделаешь, а они потом потребуют подтвердить, что все было так, как им видится»* (судмедэксперт, Санкт-Петербург).

Таким образом, эксперты вынуждены учитывать особенности эпистемической культуры юристов, их стиля мышления и целей их деятельности, предвидеть реакцию юристов и при этом стремиться к тому, чтобы смысл, заложенный экспертом, был адекватно понят следователем или судьей. Перевод оказывается одновременно предпосылкой и результатом изучения эпистемических миров других профессиональных групп. Он необходим для того, чтобы в нужный момент обеспечить дополнительную информацию и внести ее в контекст другой эпистемической культуры. Далеко не всегда перевод способствует тому, что различные профессиональные языки становятся понятными каждой из групп вовлеченных акторов, но с его помощью достигается координированная коммуникация по поводу судебных доказательств. В условиях символического доминирования юридического поля данные судебной экспертизы используются инструментально как средство усиления позиций одной из сторон. Нередко юристы, игнорируя принцип дистрибуции ответственности, стремятся вынудить эксперта выйти за рамки своей компетенции. В свою очередь, позиция эксперта в поле экспертизы определяет набор тактических действий, позволяющих преодолеть структурные ограничения его деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. [Bourdieu P. (2005) *Social Space: Fields and Practices*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)]

- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: ЕУСПб, 2015. [Latour B. (2015) *Science in Action: Following Scientists and Engineers within Society*. St. Petersburg: EUSPb. (In Russ.)]
- Audren F., De Bellaing C. (2013) Bruno Latour's Legal Anthropology. In: Banakar R., Travers M. (eds) *Law and Social Theory*. Oxford: Hart Publishing: 181–194.
- Caudill D., LaRue L. (2006) *No Magic Wand: The Idealization of Science in Law*. New York: Rowman and Littlefield.
- Cole S. (2013) Forensic Culture as Epistemic Culture: The Sociology of Forensic Science. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. Vol. 44. No. 1: 36–46.
- Derksen L. (2000) Towards a Sociology of Measurement: The Meaning of Measurement Error in the Case of DNA Profiling. *Social Studies of Science*. Vol. 30. No. 6: 803–845.
- Dezalay Y., Madsen M. (2012) The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law. *The Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 8: 433–452.
- Goodwin C. (1994) Professional Vision. *American Anthropologist*. Vol. 96. No. 3: 606–633.
- Jasanoff S. (2006) Just Evidence: The Limits of Science in the Legal Process. *Journal of Law, Medicine and Ethics*. Vol. 34. No. 2: 328–341.
- Knorr Cetina K. (1981) *The Manufacture of Knowledge*. Oxford: Pergamon Press.
- Knorr Cetina K. (1999) *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
- Koppl R. (2005) How to Improve Forensic Science. *European Journal of Law and Economics*. Vol. 20. No. 3: 255–286.
- Kruse C. (2016) *The Social Life of Forensic Evidence*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Latour B. (2010) *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État*. Cambridge: Polity.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Lynch M., Cole S., McNally R., Jordan K. (2008) *Truth Machine: The Contentious History of DNA Fingerprinting*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Nida E., Taber C. (2003) *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill.

Статья поступила: 17.06.19. Финальная версия: 28.10.19. Принята к публикации: 28.10.19.

EXPERT KNOWLEDGE CIRCULATION IN THE JURIDICAL FIELD: ENCOUNTERS OF EPISTEMIC CULTURES AND PRACTICES OF TRANSLATION

MASLOVSKAYA E.V.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Elena V. MASLOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Lead Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (ev_maslovskaya@mail.ru).

Abstract. The article is devoted to interaction of forensic experts and jurists as bearers of different epistemic cultures. Circulation of a forensic expert report represents production of knowledge in the process of interaction between epistemic cultures and its transition from one professional group to another. Drawing on approaches of contemporary sociology of science the author demonstrates that encounters of different viewpoints and practices are an essential part of production and presentation of expert evidence in legal proceedings. Employing Bourdieu's theory of the juridical field allows the author to reveal an asymmetry of power relations within that field and a relatively weak position of forensic experts. The empirical basis of the study is formed by data of non-participant observation in several Russian courts and interviews with jurists and forensic experts. The article demonstrates an entanglement of structurally and epistemically defined disagreements between representatives of these professional groups. *Translation* as a form of explication of the results of forensic expert's analysis is presented in the article as a main means of overcoming these disagreements. At the same time various tactics are used by forensic experts who have to take into account both the peculiarities of epistemic culture of jurists and structural characteristics of the juridical field.

Keywords: sociology of science, sociology of law, epistemic culture, juridical field, forensic evidence.

Received: 17.06.19. Final version: 28.10.19. Accepted: 28.10.19.